ЧАСТЬ І

Начинается сказка сказываться.

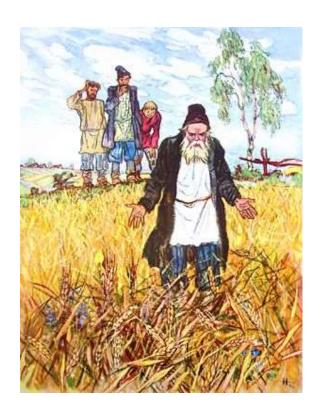
За горами, за лесами, За широкими морями, Против неба — на земле, Жил старик в одном селе.

Жил себе там и не тужил У старинушки три сына. Старший умный был детина, Средний сын и так и сяк, Младший вовсе был дурак. Братья сеяли пшеницу Да возили в град-столицу;

Знать, столица та была Недалече от села. Там пшеницу продавали, Деньги счётом принимали И с набитою сумой Возвращалися домой.

В долгом времени аль вскоре Приключилося им горе: Кто-то в поле стал ходить И пшеницу шевелить.

Мужички такой печали Отродяся не видали; Стали думать да гадать — Как бы вора соглядать; Наконец себе смекнули, Чтоб стоять на карауле, Хлеб ночами поберечь, Злого вора подстеречь.

Вот, как стало лишь смеркаться, Начал старший брат сбираться: Вынул вилы и топор И отправился в дозор. Ночь ненастная настала, На него боязнь напала, И со страхов наш мужик Закопался под сенник. Ночь проходит, день приходит; С сенника дозорный сходит И, облив себя водой, Стал стучаться под избой: «Эй вы, сонные тетери! Отпирайте брату двери, Под дождём я весь промок С головы до самых ног!» Братья двери отворили, Караульщика впустили, Стали спрашивать его: Не видал ли он чего? Караульщик помолился, Вправо, влево поклонился И, прокашлявшись, сказал:

«Всю я ноченьку не спал, На моё ж притом несчастье, Было страшное ненастье: Дождь вот так ливмя и лил, Рубашонку всю смочил. Уж куда как было скучно!.. Впрочем, всё благополучно». Похвалил его отец: «Ты, Данило, молодец! Ты вот, так сказать, примерно, Сослужил мне службу верно, То есть, будучи при всём, Не ударил в грязь лицом».

Стало сызнова смеркаться, Средний брат пошёл сбираться: Взял и вилы и топор И отправился в дозор. Ночь холодная настала, Дрожь на малого напала, Зубы начали плясать; Он ударился бежать — И всю ночь ходил дозором У соседки под забором. Жутко было молодцу! Но вот утро. Он к крыльцу: «Эй вы, сони! Что вы спите! Брату двери отоприте; Ночью страшный был мороз — До животиков промёрз». Братья двери отворили, Караульщика впустили, Стали спрашивать его: Не видал ли он чего? Караульщик помолился, Вправо, влево поклонился И сквозь зубы отвечал: «Всю я ноченьку не спал, Да, к моей судьбе несчастной, Ночью холод был ужасный, До сердцов меня пробрал; Всю я ночку проскакал;

Слишком было несподручно... Впрочем, всё благополучно». И ему сказал отец: «Ты, Гаврило, молодец!»